

А.Г.МЕЛЬНИК

ТИХВИНСКИЙ УСПЕНСКИЙ СОБОР

Сведения о времени возникновения Тихвинского Успенского собора имеют противоречивый характер. В качестве дат его строительства в источниках фигурируют 1497, 1500, 1507, 1510 и 1515 гг. (1). Упоминается также, что он поставлен повелением великого князя Василия Ивановича (2). В настоящее время более вероятным представляется указание летописи об освящении храма 12 августа 1515 г. “на память святых мученик Фотеа и Никиты, в неделю, священна бысть церковь пресвятая Богородица честное Успение на Тифине, а святые Николае придел, наутрие в Понедельник при благоверном великом князе Василие Ивановиче, промежи архиепископы псле Серапиона да Макари за 11 лет без месяца; а нарядчик был Дмитрей Сырков, а мастер Фрязин с Москвы Великого князя а имя ему” (3). К сожалению, имя мастера фрязина по каким-то причинам в летописи не фигурирует.

Следует особо подчеркнуть, что рассматриваемый памятник, очень большой по меркам того времени, возник не в епархиальном центре, не в достаточно крупном городе, не в богатом монастыре, а в незначительном по размерам погосте. Каких-либо экономических предпосылок для его создания здесь не существовало. Имелись лишь духовные и идеологические предпосылки. Причем последние явно преобладали. В самом деле, для хранения чудотворной иконы Тихвинской богоматери вряд ли необходимо было столь большое здание. Несомненно, только волей великого князя было определено, что “сакральной оболочкой” для упомянутого чудотворного образа стал храм соборного типа, а не обычная для Новгородской земли небольшая церковь.

В недавнее время были обнародованы результаты архитектурно-археологических исследований тихвинского собора (4). Теперь мы достаточно хорошо представляем, каким был его первоначальный облик, существенно искаженный в позднейшее время.

Храм изначально представлял собой шестистолпное, трехапсидное пятиглавое здание, обнесенное с южной, западной и северной сторон одноярусными крытыми галереями (рис.1). Массивным квадратным столпам на боковых стенах интерьера соответствуют такие же по ширине лопатки. На западной стене подобных лопаток не существует. Главные продольный и поперечный нефы заметно шире, чем остальные нефы. Обращает на себя внимание необычно большая ширина западного поперечного нефа. Опорой для сводов и барабанов служат пониженные подпружные арки, переброшенные между столпами и от столпов к стенам. Рукава пространственного креста перекрыты коробовыми сводами, над средокрестием расположен центральный барабан, то есть рассматриваемый памятник является крестовокупольным храмом (рис.2). Восточные барабаны, расположенные над соответствующими угловыми компартиментами, перекрытыми глухими коробовыми сводами, не являются световыми. Западные барабаны световые, но расположены они не так, как у предшествовавших шестистолпных соборов XVI в., а на значительном удалении от центрального барабана над западными угловыми компартиментами. Восточные угловые компартименты перекрыты продольно ориентированными коробовыми сводами. Апсиды, перекрытые конхами, по высоте почти равны внутреннему пространству храма. Особенностью рассматриваемого интерьера являлся Никольский придел, располагавшийся в пространстве северо-западного компартимента на "полотях", то есть на специальном втором ярусе, устроенном примерно на высоте 4 м от уровня пола собственно храма. В придел вела внутренняя лестница, начинавшаяся не как обычно, изнутри храма, а со стороны западной галереи. Ныне стены интерьера покрывает настенная живопись, затрудняющая выработку однозначного суждения о его первоначальной отделке. Тем не менее, следует указать, что в настоящее время храм внутри совершенно не имеет архитектурного декора. Галереи храма перекрыты крестовыми сводами без выявленных подпружных арок. Снаружи фасады собора расчленены узкими лопатками в соответствии с внутренней структурой на разные по ширине прясла (рис.3, 4). Эти лопатки в завершении без каких-либо промежуточных карнизов переходят в килевидные закомары. Иного декора на фасадах не существовало. Галереи были прорезаны большими арочными про-

емами и имели многоскатную пощипцовую кровлю. Небольшие узкие окна основного объема имели обрамления в виде простой прямоугольной ниши. Собор был крыт позакומרной кровлей. Основания всех пяти барабанов украшали пояса килевидных кокошников, крытых щипцовыми кровельками. Барабаны, прорезанные щелевидными окнами, обладали единственным украшением — поясками небольших арочек в завершении (5).

В литературе уже были высказаны некоторые суждения об истоках основных архитектурных форм рассматриваемого памятника. О.В.Боровицкая считает, что Тихвинский собор относится к типу построек, взявших за образец основные характерные черты Успенского собора Аристотеля Фиораванти. Своеобразие же рассматриваемого памятника она объяснила участием в его возведении новгородского строителя и столичного мастера, подчеркнув при этом наличие в тихвинском соборе значительного количества чисто новгородских черт и, в частности, идущих от церкви Жен Мироносиц (6).

Д.А.Петров еще более акцентировал сходство тихвинского собора и новгородской церкви Жен Мироносиц (1510 г.). По мнению автора, “в целом, по-видимому, мы с достаточной степенью уверенности можем предположить, что мастер Успенской церкви решил соединить (а скорее всего, ему было указано сделать это) в своей постройке несколько образно-композиционных линий: с одной стороны, образцом послужил Архангельский собор, с другой — новгородские храмы XII—XV вв. и некоторые элементы новгородской архитектурной традиции” (7).

Далее будет предпринята попытка конкретизации истоков архитектурно-художественных форм рассматриваемого памятника.

Вначале необходимо со всей определенностью сказать, что ни в планировочном решении, ни в объёмно-пространственной композиции, ни в характере декора невозможно усмотреть хоть какое-нибудь сходство с московским Успенским собором. На первый взгляд, то же самое можно утверждать и в отношении Архангельского собора. Действительно, такие характерные черты тихвинского собора, как апсиды, почти равные по высоте основному объёму, массивные квадратные столпы, вытянутость пространства для молящихся по оси восток—запад, характер пятиглавия, отсутствие хоть какого-либо намека на ордерный декор, ничем не напоминают этот столичный храм. Однако некоторое неявное

сходство между данными двумя памятниками все-таки существует. В частности, длина тихвинского собора лишь немногим уступает длине Архангельского. Очевидно, последний повлиял на выбор местоположения входа на внутрискладную лестницу, ведущую в Никольский придел. В подобном же месте западного фасада устроен вход на лестницу, по которой поднимаются на верхний этаж пятого членения Архангельского собора. По-видимому, этому же памятнику тихвинский собор обязан не столько формами, сколько идеей устройства наружных галерей (8), хотя галереи, правда, не одноярусные, а двухъярусные, но с подобными же крестовыми сводами, ко времени его строительства имел целый ряд других не шестистолпных церквей Москвы и Средней России, например, московский Благовещенский собор (галереи 1508 г.) или Покровский собор (1513 г.) Суздальского Покровского монастыря.

Несомненно, более явное, чем Архангельский собор, влияние на формирование облика рассматриваемого памятника оказали такие шестистолпные новгородские храмы XII в., как Георгиевский собор Юрьева монастыря и Рождественский собор Антониева монастыря. Они обладают подобными тремя апсидами, внутренними лопатками на боковых стенах и сходным образом не имеют их на западной стене.

К упомянутым соборам Юрьева и Антониева монастырей восходит и необычное расположение западных барабанов рассматриваемого памятника (9). Правда, это в полной мере относится лишь к его юго-западному барабану, так как северо-западный барабан у названных трехглавых соборов XII в. располагается не над северо-западным компартиментом основного объема, а над примыкающей к нему лестничной башней.

Получается, что зодчий тихвинского собора, ориентируясь на один из этих храмов (скорее всего, на Георгиевский) как бы отбросил его лестничную башню, а ее барабан установил над северо-западным компартиментом своего детища. Кроме того, в отличие от тех же древних новгородских храмов, он добавил ему два восточных барабана. В результате возникла доселе никогда не существовавшая композиция храмового пятиглавия. Своей бьющей в глаза рассредоточенностью и асимметричностью, подчеркнутой непомерной высотой барабанов она резко контрастирует со всей предшествующей традицией формирования венчающей час-

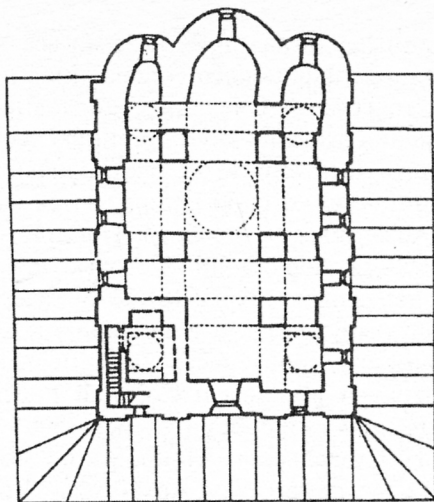

Рис.1. План Успенского собора. Реконструкция О.В.Боровицкой.

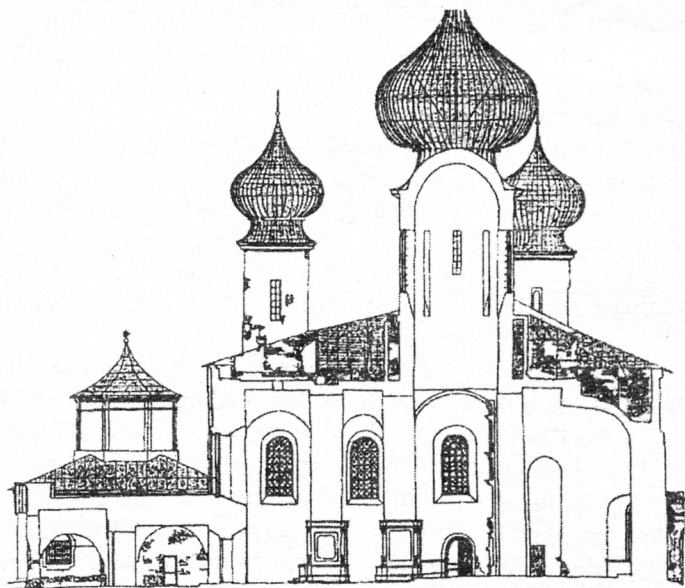

Рис.2. Продольный разрез Успенского собора. Обмер 1963 г.

Рис.3. Боковой фасад Успенского собора.
Реконструкция А.Н.Милорадовича.

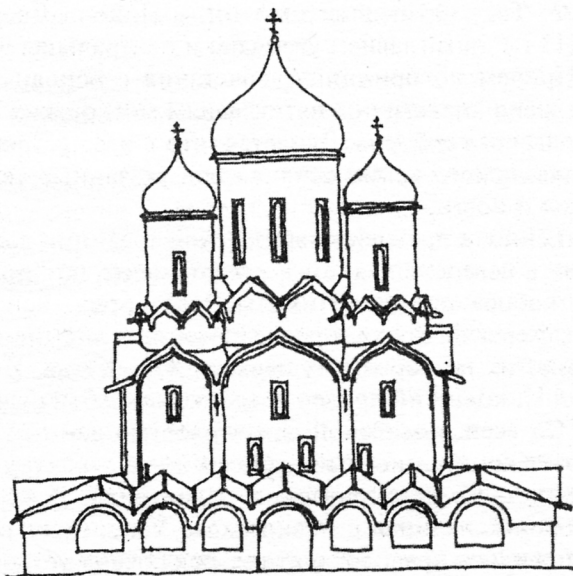

Рис.4. Западный фасад Успенского собора.
Реконструкция А.Н.Милорадовича.

ти пятиглавых храмов.

И здесь неизбежно встает вопрос: что побудило зодчего или заказчика устроить упомянутые восточные барабаны, ведь они явно не имели функционального значения, так как были глухими и, следовательно, играли роль лишь в формировании наружного облика храма?

Казалось бы, ответ прост: создателем собора двигало стремление увенчать его не как-либо иначе, а именно пятиглавием. Но тогда возникает следующий вопрос: на что они ориентировались? И ответ на него не столь очевиден. Как будто бы, зная главного заказчика храма, которым являлся Московский великий князь Василий III, логично предположить, что в качестве образцов для зодчих было указано пятиглавие одного из кремлевских соборов — Успенского или Архангельского, а может быть, того и другого вместе. Но ведь мы уже знаем об ориентированности архитектуры тихвинского собора на местную древнюю новгородскую традицию, а Новгороду хорошо был знаком тип пятиглавого завершения храма. Так, пятиглым был тогда Николо-Дворищенский собор (1113 г.), пятиглавием увенчана и центральная часть святой Софии. Причем по принципу сочетания с основным объемом эти пятиглавия аналогичны пятиглавиям московских Успенского и Архангельского соборов. Думается, что в идее устройства пятиглавия тихвинского храма слились обе указанные тенденции — московская и новгородская.

Несомненно, к древней новгородской традиции восходит идея устройства в северо-западном компартименте на “полатах” тихвинского собора придела Николы Чудотворца. Вспомним, что угловые камеры на хорах, предназначенные для приделов, имеются во многих новгородских церквях XII—XV вв. По существу, указанный Никольский придел представляет собой рудимент древних хор. Со всей возможной отчетливостью данный придел демонстрирует компромиссный двойственный характер внутреннего пространства рассматриваемого памятника. В самом деле, с одной стороны, начиная с московского Успенского собора, очевидно, сложилось правило, которое исключало устройство в новых шестистолпных храмах расчленяющих их внутреннее пространство хор или подобных им сооружений, а с другой стороны, согласно местной традиции, хоры должны были занимать по край-

ней мере все западное членение подобного здания. Получается, что создатели Тихвинского собора не могли целиком принять новую московскую версию внутреннего пространства шестистолпного храма, но не могли и всецело следовать древней новгородской традиции. В результате этой коллизии и появился Никольский придел, являющийся как бы третьей частью обычных хор.

Действительно, входивший в древности в тихвинский собор через главный западный вход попадал в единое нерасчлененное промежуточными сводами хор равновысокое пространство продольного нефа, и первое самое общее впечатление его было подобно тому, которое возникает, когдаходишь с той же стороны в любой из шестистолпных храмов конца XV—XVI вв. Но стоило только этому посетителю обратить свой взгляд налево вверх, и он сразу видел камеру на “полатях”, знакомую по многим новгородским церквям.

Теперь необходимо сравнить тихвинский собор с упомянутой церковью Жен Мироносиц (1510 г.) и определить, какими конкретно элементами он ей обязан. При этом важно иметь в виду известный факт строительства того и другого памятников одним нарядчиком Дмитрием Сырковым.

Названные храмы имеют следующие сходные черты: довольно невысокое внутреннее пространство по сравнению с его длиной и шириной, три апсиды, пониженные подпружные арки, на которые опираются коробовые своды, парные окна в некоторых пряслах, оформление окон снаружи прямоугольной неглубокой нишей, расчленение боковых фасадов узкими лопатками на прясла разной ширины, причем западное является самым широким из них, так называемые выступающие нижние полочки архивольтов закомар и пояски из арочек в завершении барабанов.

Но столь многочисленные сходные черты не могут затушевывать существенные отличия тех же памятников. Мироносицкая церковь четырехстолпная с изолированной западной частью, квадратными восточными и круглыми западными столпами. Тихвинский собор шестистолпный с квадратными западными и Т-образными в сечении восточными столпами, то есть эти последние имеют выступающие на восток лопатки, на которые опираются подпружные арки, служащие опорой для сводов восточного поперечного нефа. Кроме того, конхи апсид Мироносицкой церкви плавно без каких-либо уступов перетекают в своды восточного

поперечного нефа, а соответствующие своды тихвинского собора слегка ступенчато повышены относительно конх его апсид.

Стоит указать и на то, что в основании барабана церкви Жен Мироносиц имеется узкий карниз, тогда как подобный элемент у тихвинского собора отсутствует.

Чем же порождены все эти отличия? Оказывается, ответить на данный вопрос легко, если учесть справедливую точку зрения Д.А.Петрова, согласно которой образцом для Мироносицкой церкви послужила стоящая неподалеку церковь Ивана на Опоках (1453 г.) (10). Именно у нее обнаруживаются все те названные черты, которыми отличается тихвинский собор от храма Жен Мироносиц. Более того, многое из того, что сближает два последних храма, присутствует и в облике Ивановской церкви. У нее имеются сходные пониженные подпружные арки, коробовые своды, парные окна в пряслах, отвечающих главному поперечному нефу, невысокое внутреннее пространство, членение боковых фасадов лопатками, аркатурный пояс в завершении барабана. Сверх того, как и тихвинский собор, церковь Ивана на Опоках шестистолпная, с четырьмя квадратными западными столпами и, как уже упоминалось, Т-образными в сечении восточными. К тому же, ее западное членение подобным же образом сильно расширено и имеет хоры, которые в южном и северном компартиментах обладают камерами приделов. Теперь-то и становится ясно, что северная из них была повторена в рассматриваемом памятнике.

Итак, кроме церкви Жен Мироносиц и других упомянутых сооружений, многое в облике тихвинского собора унаследовано от церкви Ивана на Опоках. Это, в свою очередь, помогает найти объяснение необычной приземистости рассматриваемого храма. Высота его внутреннего пространства равна всего 12 м, а у Архангельского собора соответственно 19,1 м при том, что продольные размеры того и другого почти одинаковы. Явным вертикализмом отличаются и упоминавшиеся соборы Юрьева и Антониева монастырей.

Видимо, пропорциональный строй Успенского собора в Тихвине определили те же церкви Ивана на Опоках и Жен Мироносиц, но не все целиком, а взятые без своих подклетов.

При таком довольно странном подходе резко видоизменилась, по сравнению с названными прообразами, роль барабанов в об-

лике тихвинского собора. У Ивановской или Мироносицкой церкви барабан в сравнении с небольшой высотой наоса кажется необыкновенно вытянутым вверх, но снаружи при наличии высокого подклета его высота скрадывается, и он выглядит по своим размерам вполне традиционно. У рассматриваемого памятника барабаны не только изнутри, но и снаружи получились непомерно высокими. Они казались бы просто чудовищными, если бы их высоту зримо не уменьшали примерно на треть необычно высокие и широкие круглые постаменты с кокошниками. Думается, что эти не просто пояса кокошников, а именно постаменты были сознательно применены для гармонизации облика храма.

Подобными кокошниками в основании барабанов не обладал ни один шестистолпный пятиглавый собор, построенный до рассматриваемого памятника. Следовательно, для шестистолпного пятиглавого храма эта форма была новой.

Верно указано, что не знала такого декоративного приема и вся предшествовавшая новгородская архитектура, значит, это элемент привнесенный (11). Заимствован он либо из Москвы, либо из Средней России, где близких или отдаленных аналогов существовало предостаточно, например, кокошники в основании центрального барабана московского Благовещенского собора (1489 г.). А у Спасо-Преображенского собора (1515 г.) Ярославского Спасского монастыря под соответствующими кокошниками нет повышенных подпружных арок, следовательно они, как и упомянутые кокошники собора в Тихвине, не имеют тектонического смысла (12). Известен и ближайший аналог рассматриваемой декоративной формы — это пояс килевидных кокошников на широком круглом подобию постамента центрального барабана Покровского собора (1513 г.) Суздальского Покровского монастыря (13).

Следует отметить, что данные два храма имеют и другие сходные черты. В образе Покровского собора большую роль играет зримая переключка крытых по килевидным закомарам галерей с аналогичными закомарами основного объема и с килевидными же кокошниками в основании центрального барабана. Подобным же образом у Тихвинского собора перекликаются крытые по щипцам галереи с килевидными закомарами основного объема и с килевидными и щипцовыми элементами кокошников в основании барабанов. Ныне пока трудно определить, непосредственная

или опосредованная связь существовала между указанными формами названных памятников.

Из московской или среднерусской архитектуры привнесена в облик Тихвинского собора и форма килевидных закомар (14). Правда, строившийся почти одновременно с ним Преображенский собор (1515 г.) Хутынского монастыря также получил килевидные закомары, не применявшиеся до того в новгородской архитектуре. Поэтому нельзя исключать, что он также повлиял на появление соответствующих закомар исследуемого храма.

Итак, в результате настоящего исследования во многом были подтверждены и частично уточнены представления предшествующих авторов о тихвинском соборе. В итоге можно утверждать следующее. Тихвинский Успенский собор не имеет ни одной черты, которая бы однозначно воспринималась как цитата, заимствованная у московских Успенского и Архангельского соборов. Однако в неявном трансформированном виде такие черты у него имеются, преимущественно восходящие к последнему из названных столичных храмов. Зато тихвинский собор со всей определенностью демонстрирует свое родство не только с новгородской архитектурной традицией вообще, но и с конкретными новгородскими храмами, такими, как соборы Юрьева и Антониева монастырей, церкви Ивана на Опоках и Жен Мироносиц. В то же время в облике рассматриваемого храма очень большую роль играют черты, привнесенные из московской и среднерусской архитектуры. В результате явно компромиссного соединения всех этих разнородных и разнохарактерных элементов возник необыкновенно своеобразный памятник с уникальным для своего времени типом пятиглавия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Кириллин В.М. Символика чисел в древнерусских сказаниях // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С.104.

2. Боровицкая О.В. Материалы исследований Успенского собора в Тихвине // Новгородские древности. М., 1993. С.102.

3. ПСРЛ. Л., 1929. Т.IV. Ч.1. Вып.3. С.539—540.

4. Боровицкая О.В. Указ.соч. С.101—127; Церковь Жен Мироносиц в Новгороде. Материалы и исследования. М., 1995. Ил.53—66.

5. Там же.

6. Боровицкая О.В. Указ.соч. С.102, 115—116.
7. Петров Д.А. Место и значение церкви Жен Мироносиц в новгородской архитектуре конца XV—начала XVI вв. // Церковь Жен Мироносиц в Новгороде. Материалы и исследования. М.,1995. С.34—35.
8. Ср.:Там же. С.34.
9. Ср.: Там же. С.34.
10. Там же. С.32.
11. Боровицкая О.В. Указ. соч.С.116.
12. Мельник А.Г. Об истоках основных форм собора XVI в. ярославского Спасского монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. М.,1998. Вып. 99. С.181. Труды Государственного исторического музея.
13. Петров Д.А. Указ. соч. С.36.
14. Боровицкая О.В. Указ. соч. С.116.